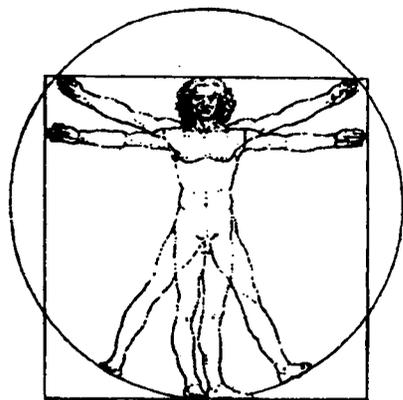

Рефлексия на себя и других

Андрей Хвостов

Этюды о моральном выборе

Браконьер — тот, кто занимается браконьерством

Кто такой браконьер? Как вы себе его представляете? У одних сразу возникнет образ полудикого мужика, обросшего недельной щетиной, который подстерегает в лесу лося, кабана или медведя. Другие представляют «рыбаков», использующих динамит или острогу, японские суда, промышленяющие в экономической зоне России.

А теперь представьте совершенно идиллическую картину: маленький мальчик на зеленой лужайке увлеченно гоняется с сачком за бабочкой, а поймав ее, с восторгом несет маме, которая с умилением хвалит его за ловкость. Или маленькую девочку, которая, напевая песенку, собирает цветы. Так вот, между любителем незаконного промысла и нашими славными детьми в некотором отношении различий очень немного, главное — первые отличаются неутолимым стремлением урвать кусок пожирнее, но и вторых можно без натяжек отнести к разряду браконьеров, хотя и бескорыстных.

Я — биолог по образованию и у меня довольно много знакомых, которые занимались, а некоторые и продолжают заниматься «дуримарством». Я не раз приглашался в экспедиции для ловли всевозможной «нечисти» — черепах в Азербайджане и на Украине, пресноводных крабов на Кавказе, морских звезд на Белом море, насекомых в Уссурийской тайге, где заодно мы не проходили и мимо змей. Все эти экспедиции затевались совсем не из-за стремления к научным исследованиям, они мотивировались простой и безыскусственной жадной наживы. Поэтому я беру на себя смелость представить свои соображения относительно того отношения, которое сложилось в нашем обществе к «нетрадиционному» браконьерству.

Охватить растительный мир, все классы животных, которые являются объектами незаконной добычи, здесь невозможно, такой цели и не ставится. Поэтому я ограничусь лишь отдельными примерами, относительно подробно рассмотрю лишь ловлю насекомых.

Покупатель

Покупатель — тот, кто покупает, делает покупку

Именно он определяет то, что будут для него ловить другие. На что существует спрос? Практически на все, от паука до тигра, но далеко не всегда удовлетворяется. Как и в любой другой торговле можно ориентироваться на редкие дорогие виды, но нужны они очень небольшому числу потребителей, да и не всем по карману. При этом риска много, доход относительно мал. Предпочтение отдается среднему по цене товару, который долго не залеживается и пользуется постоянным спросом. Так что иной раз просто экономически невыгодно ловить что-то редкое, что спасает его от дальнейшего истребления.

Меняется спрос, меняется рентабельность, в настоящее время в сторону снижения. Падением уровня жизни это объяснить трудно; цены в относительном измерении даже понизились. Вот и превратился Птичий рынок наполовину в обычную барахолку.

Мы не будем говорить о том, зачем заводят дома животных; это слишком широкая тема. Обратимся сразу к сувенирной и коллекционной продукции.

Кто и зачем покупает бабочек? Покупают их как сувениры, конечно, из-за красоты. По поверьям древних римлян, бабочка — это цветок, оторвавшийся от стебля. Традиционные вопросы при их покупке: «А они настоящие?» или «Из чего они сделаны?» Да, то что вы можете увидеть в су-

венирных отделах, на вернисажах — настоящие бабочки. При этом далеко не всегда бабочек покупают по принципу «побольше и поярче». Один из успешно продаваемых видов — бабочка относительно невыразительная в цветовом отношении, но с очень тонким рисунком. Но в целом на обычном рынке господствует принцип эффективности. Есть спрос и на огромных экзотических жуков, и на сувениры из скорпионов (как знак Зодиака).

Совершенно иные критерии у коллекционеров. Это самый привередливый в плане качества покупатель. Малейший надрыв крыла или пятнышко, которое Вы вообще не заметите, и экземпляр считается бракованным. Совершенно «завернутый» коллекционер не купит его и за десятую часть цены, предпочитая иметь дорогой, но совершенный. Это относится как к бабочкам, так и к жукам; отсутствие у последних малейшего членика на лапке уменьшает цену в несколько раз.

Коллекционер — собиратель
коллекции

Коллекционер отличается от любителя и тем, что никогда не станет собирать все подряд. Среди любителей жуков одни собирают жужелиц, другие — рогачей, усачей и т.д. Точно также никто не собирает серьезно всех бабочек. Особенно популярны парусники, аполлоны, морфиды, некоторые другие семейства или роды. Серьезная коллекция отличается и тем, что в ней стремятся собрать все виды и подвиды рода, даже подвиды, отличающиеся только ареалом. Для неспециалиста это — собрание оттенков одной бабочки, для коллекционера — предмет особой гордости, поскольку собрать именно такую коллекцию очень сложно. Даже С. Мавроди имел одну из самых дорогих коллекций, но далеко не самую совершенную в плане наличия разновидностей видов.

«Но самыми драгоценными приобретениями, из которых каждое привело меня в восторг, были две бабочки...», «Необычайность такого счастья огуманила меня...» Это лишь пара отрывков из рассказа С.Т. Аксакова «Собирание бабочек». Хотя это было написано в начале прошлого века, но чувства коллекционеров, видимо, остались прежними. Некоторые и сейчас хотят не просто иметь, но и самостоятельно ловить и расправлять бабочек и жуков. Конечно, это невозможно. Представители рода могут быть расселены по всему свету, поэтому приходится покупать. И тут некоторых не останавливают суммы в сотни и тысячи долларов за бабочку.

Коллекционеров можно и пожалеть, можно им и позавидовать. Туго приходится небогатым; на хороший экземпляр редкого вида, который мог бы стать украшением коллек-

---

ции, рассчитывать не приходится. Позавидовать по-хорошему можно их увлеченности, хотя особо ярые нередко производят странное впечатление. В нашей стране их немного, но в некоторых странах этот вид коллекционирования очень популярен. Не знаю, насколько это обусловлено любовью к природе, насколько это дело престижа или моды, но в одной Европе собирателей насекомых — тысячи, если не десятки тысяч. Энтомологических ярмарок, на которых можно купить, продать или обменять, — по десятку в год.

Ловцы

Ловец — тот, кто ловит рыбу, зверя и т.п.

Кто они, современные дуримары? Прежде всего это люди, сами в свое время увлекавшиеся содержанием аквариумов, террариумов, коллекционеры. Приходя на рынок, они видят цены, и у некоторых возникает мысль заняться ловлей самостоятельно, и у некоторых, наиболее предприимчивых, это получается. К этому необходим здоровый авантюризм (но не волюнтаризм). Не так просто решиться на поездку в Азербайджан даже в годы застоя, чтобы искать в глуши место, в котором можно наловить черепах в «промышленном» масштабе. То же и в отношении всех остальных животных; многие расселены очагами, найти которые — сложная задача. Потом предстоит доставка улова живым и невредимым, его содержание и продажа. А поскольку товар не первой необходимости, то он должен гоняться за покупателем. И если нет спроса на морские звезды в Москве, то пришлось им гнаться за потребителем от Белого до Черного моря. Там они никогда не водились, но как сувенир на память о нем, о Черном, шли у одного последователя О. Бендера очень неплохо.

Не останавливает сейчас некоторых «камикадзе» и боевые действия на границе Таджикистана и Афганистана. Водится там на Памире бабочка, которая из-за своей редкости и раньше стоила не меньше 500—600\$, а сейчас цена приблизилась к тысяче. Но лов продолжается и происходит это, помимо всего прочего, на высоте 2000—3000 метров. Видимо, «золотая лихорадка» — не временное явление в истории, и стремятся люди найти свой Клондайк.

Кто находит, тот эксплуатирует жилу до полного истощения. Отлов идет максимальный, на «потом» специально ничего не оставляется. Кое-кто этого бы хотел, но приватизировать речку, участок берега или тайги сложно. И конкурент не дремлет и вполне может выйти на то же место, и прика-

зять ему обратиться с «моей» территории нельзя. Раньше, когда такой бизнес давал прибыль, сравнимую с окладом академика и выше, эти микро-Эльдорадо продавались и очень недешево. Несколько тысяч в застойные годы были хорошими деньгами.

Внешне сходными могут показаться действия коллекционера. Он точно также может истребить сотни бабочек и жуков, но он стремится найти нечто особенное и в основном для себя. Это может быть особенно крупный для вида экземпляр (что ценится и может быть предметом особой гордости), редкая окраска у бабочки. Его мечта — найти новый вид (хотя в энтомологии это совсем не сложно), увидеть свое имя в официальном каталоге. Но все равно это для него не товар, в крайнем случае — «материал» для обмена. Хотя таких классических коллекционеров немного.

Но охотой это тоже назвать нельзя. Про психологию охотника написано так много, что не стоит даже пытаться хоть что-то пересказать. Он действует из других побуждений. Для него сам процесс — удовольствие, а добыча — трофей. Для нас процесс — труд, добыча — товар. Товар должен иметь товарный вид, поэтому бракованные экземпляры не берутся. Черепаха с обломанным панцирем или бабочка со рваным крылом могут не бояться «товаропроизводителя»; они даром никому не нужны.

Охотничий азарт, безусловно, присутствует. Охота на бабочек, например, настоящая охота. В ней надо знать повадки животного, мобилизовывать зачастую все силы и внимание. Только некоторые виды даются относительно легко, к другим надо подкрадываться с осторожностью. Или, увидев приближение бабочки, замереть и сохранять выдержку, поскольку ее испугает малейшее движение, а возможность взмахнуть сачком только одна.

Есть и охотничье тщеславие, своего рода соревнование с напарником и самим собой. Конечно, всегда ставится цель поймать побольше, но лучше — больше, чем вчера. Каждый день так быть, конечно, не может, остается маленькая радость — наловить больше, чем компаньон. И тут помогает некоторая интуиция, способность как Шариков котов, «душой чуют» определенного животного. Это совершенно не абстракция. Уловы моего напарника при ловле животных невозможно было объяснить просто хорошим зрением, что временами вызывало у меня чувство неполноценности. Подобная интуиция, как мне кажется, лучше всего развивается путем идентификации с добычей. Иными словами, надо «влезть в шкуру» черепахи, жука и т.д. и

Тщеславие — стремление к славе, почестям, почитанию

передвигаться к понравившемуся месту, отказавшись от планомерного прочесывания местности.

Именно таким путем я как-то раз вышел на место обитания весьма редких жуков и за 5 минут поймал 8 штук, что стало предметом моей гордости на целый день. Дело в том, что за весь прошлый сезон в этом месте было поймано чуть более 20, и намного больше этого числа их за сезон никто никогда не отыскивал. В этот же сезон, отчасти благодаря уже «спортивной злости», мы перешагнули сотню, поставив «рекорд» по успешному истреблению довольно редкого вида. Конечно, азарт при этом не только спортивный. Тот же жук стоит порядка 30\$. Представьте себе, что ползет по дереву эта сумма, и надо поймать скорее ее, а не жука как такового. Проворства это сознание прибавляет, и в немалой степени.

При всем при этом романтики в этой деятельности не так много, как хотелось бы. Прежде всего это тяжелый труд, иногда — очень тяжелый. Приходится и целый день ходить почти без воды в сорокаградусную жару, и по два часа болтаться в ледяной воде Белого моря. Есть и прямая опасность — змеи, шершни и люди. Это совсем не похоже на идиллию зеленой лужайки в средней полосе России. Та экзотическая природа, которая нас окружала, безусловно остается в памяти и вспоминается потом яркими образами. Но наша цель — совсем не туризм, она куда прозаичнее.

В чистом виде ловцов относительно немного. Обычно ловец сам и продает, минуя перекупщика. Но были и есть те, кто полностью перешел на торговлю. Как мне представляется, в этом отношении торговля живым товаром мало чем отличается от торговли пивом. Тут на первый план выходят чисто рыночные отношения — купить подешевле и продать подороже.

Торговля насекомыми имеет свою специфику, прежде всего она на порядок выше по уровню. Требуется высокая профессиональная подготовка; надо знать цены сотен и тысяч позиций, сколько и как быстро можно продать. Здесь, как и на классической бирже, могут играть на повышение, понижение, удержание цен (хотя и упрощенное), давить конкурента демпинговыми ценами (за что на меня постоянно обижались). Соответственно, цены могут и повышаться, и существенно падать. При этом существует некоторая специализация: одно в основном занимаются жуками, другие — бабочками. Нередка и более узкая специализация: так, среди торгующих жуками одни главным образом занимаются усачами, другие — златками и т.д. Хотя такое

положение весьма условно; приторговывать могут все и всем. Но это относится не к Птичьему рынку, это краткое описание ситуации на международных энтомологических ярмарках.

Власть

Власть — права и полномочия государственных органов

Я не могу корректно с юридической точки зрения оценить историю законодательства относительно охраны окружающей среды. Это и не входит в планы. Посмотрим внимательно только на совсем недавний приказ.

В нашей стране до недавнего времени ловля живности типа жуков, пауков, лягушек, черепах и прочих подобных мелких тварей считалась уделом крепко «завернутых» любителей природы и законодательно почти не преследовалась. Уголовная ответственность предусматривалась только за тех животных, которых можно было съесть, с которых можно было буквально снять шкуру, за охоту в заповедниках. Административная ответственность в виде штрафов, конечно, была, но охватывала далеко не все виды. В цивилизованных же странах «любителей» с сачками давно уже ожидал либо крупный штраф, либо дальняя дорога в казенный дом.

В Российской Федерации приказ министерства охраны окружающей среды и природных ресурсов «Об утверждении такс для исчисления размера взыскания за ущерб, причиненный незаконным добыванием или уничтожением объектов животного и растительного мира» был издан в первой половине 1994 г. Нечто подобное издавалось и ранее, но в данном случае предусмотрены штрафы и за насекомых, и за другие нетрадиционные объекты браконьерства, причем не только за ловлю, но и за скупку и продажу. Так что теперь и нашего мальчика с полянки вполне можно отнести к браконьерам даже по российским законам.

Каким мне представляется размер штрафа, если не предусмотрена иная ответственность. Штраф должен делать невыгодным незаконный промысел. Мы давно привыкли, что за безбилетный проезд с вас возьмут сумму, раз в десять превышающую стоимость проезда. Как тогда относиться к наказанию, которое вызывает прямые ассоциации с комариным укусом? За некоторых животных штрафы таковы, что не составляют и десятой части его стоимости. Это касается и белого медведя, и Амурского тигра, которые являются раритетом из раритетов. Да, уголовная ответственность сохраняется, но только не в случае необ-

---

ходимой самообороны. А какой зверь, тем более мертвый, сможет доказать, что не он напал первым? Как говорится, «закон — тайга, прокурор — медведь», или, иными словами, кто кого переживет, тот и прав.

Да, мне было бы трудно доказать, что на меня напала стая бабочек, поэтому в целях самообороны мне пришлось их всех переловить и засунуть в заранее приготовленные пакетики. Но в случае с медведем это очень легко. Конечно, в некоторых случаях платится штраф за продажу, но риск намного меньше вероятной прибыли. Вопрос остается открытым, при этом я не вижу даже возможности адекватного закона.

А если кинуться в другую крайность и повысить штраф до облачных высот? Юристы говорят, что вся история юриспруденции показывает, что ужесточение наказания к снижению преступности не ведет. Но повысить может. После издания данного приказа мне довелось разговаривать со своим приятелем, имеющим прямое отношение к рыбному хозяйству и рыболовству. Как он сказал, инспектора пришли в ужас от штрафов. Нет, сами себя они не штрафуют. Они боялись, что браконьеры их попросту будут убивать еще до начала каких-либо переговоров, особенно в наше голодное время. Так случалось и раньше, но чрезмерные штрафы делают это гораздо более вероятным.

Сейчас, кстати, местные законы (краевые, областные, даже на уровне отдельных районов) могут сильно отличаться от «центральных», и если раньше можно было сослаться на общие положения, то теперь это скорее всего не подействует. Сейчас вся «власть» сидит на «местах» и «Москва для них не указ». Вы можете получить лицензию на ловлю бабочек в местной администрации, хотя это запрещено федеральным законом, но вас с тем же успехом могут оштрафовать и с лицензией, выданной в Москве. Именно так было с моим знакомым, который получил патент на ловлю морских звезд, но Белое море оказалось слишком далеко от центральной власти.

До недавнего времени, правда, законы оставались главным образом на бумаге. Исполнительная власть смотрела на «нетрадиционное» браконьерство как и большинство из нас. Все знают, что нельзя глушить рыбу, нельзя без лицензии завалить лося. Но когда в глубинку приезжали вполне приличные с вида люди и начинали по уши в грязи ловить, предположим, черепах, это вызывало такое изумление, какое вызвал бы у вас американец, ловящий крыс на российской помойке. Что бы вы спросили у него в первую очередь? Скорее всего: «А что, в США крыс нет?»

Законы — нормативные акты высшего органа государственной власти

Такой вопрос и мы слышали не раз, и не только в южных республиках. Однажды в Приморском крае я столкнулся на таежной дороге с нарядом милиции, который ловил каких-то беглых каторжников. Будь у меня ружье, разговор был бы другим. Но у меня был сачок, и на вопрос кто я и откуда доложил, что приехал из Москвы половить букашек, поскольку это — мое любимое занятие. Был и традиционный вопрос о наличии бабочек в Москве, на что последовал уклончивый ответ о том, что есть, но другие. Меня как всегда сочли за придурка и разошлись мы с миром, хотя сейчас в том же Приморском крае устраивают рейды не только на собирателей женьшеня и традиционных браконьеров, но уже и на охотников-энтомологов.

Другой представитель исполнительной власти — таможня. В принципе запрещен любой перевоз животных без соответствующих справок и разрешений. В том числе и высушенных насекомых. Но еще в начале девяностых годов везли сотнями и тысячами черепах в Польшу, оттуда, как я знаю, в Германию. Продолжается и сейчас контрабандный ввоз экзотических животных в Россию. И хотя наша страна используется больше как транзитный пункт, в последнее время намечается мода на использование животных для оформления офисов. Идут на это главным образом змеи, ящерицы, крокодилы, которых содержат в специальных стеклянных террариумах.

Но проблем становится все больше. Если совсем недавно к багажу из жуков и бабочек вопросов вообще не было, а возникали они только по поводу живого товара, то сейчас возникли трудности и с провозом насекомых. Раньше на фоне «челноков», везущих огромные баулы, владелец небольшой сумки с букашками смотрелся экзотически. Но челноков становится меньше, и не на всех они рейсах, а там где есть хочется как прежде. Думаю, что не очень хорошую услугу оказал и небызвестный С. Мавроди — «любитель сушеных бабочек», как назвал его один из телекомментаторов. Видимо, стали понимать, что чего-то бабочки и жуки стоят, что это является таким же товаром, как и все остальное. И к концу 1994 года мне при пересечении границ приходилось плести всевозможные небылицы не только по поводу традиционной санитарной безопасности, но и по вопросам ценности провозимого. Если и верили, то с большими сомнениями.

Несколько слов о «четвертой» власти. В прессе вопрос браконьерства, особенно нетрадиционного, поднимается довольно часто. Но из тех публикаций, которые мне приходилось видеть, можно получить совершенно неверное

впечатление о реальности. Взять, к примеру, статью «Сачком за мертвой головой», опубликованную в одном из номеров «Совершенно секретно» (мертвая голова — ночная бабочка). Не знаю, кто возил журналиста на лов, кто рассказывал ему сказки об этом бизнесе, но получилось следующее: правды было процентов на тридцать, примерно столько же составляла явная дезинформация, остальное — собственные впечатления. И немного рекламы, видимо, в обмен за информацию. Ненамного достовернее и «Животные страсти новых русских» («МК»), и многие другие публикации периодической прессы.

Стоит ли с этим явлением бороться? Не уверен, по крайней мере так, как это делалось раньше. Прежде были на биологических факультетах дружины охраны природы, которые ловили браконьеров в под Москвой, посещали «Птичку», штрафуя за продажу запрещенных видов. Как всегда, попадались дилетанты. Можно было бы предположить, что «Зеленые» в Европе запретят торговлю и насекомыми. Но этого не происходит. Ярмарки проходят официально, под надзором полиции. При запрете ситуация скорее всего была бы похожа на борьбу с торговлей другим животным — «зеленым змием»; подполье, возможно, нездоровый ажиотаж, а плата за риск — покупателю.

Наука

Наука — система знаний, вскрывающая закономерности в природе и обществе и способы воздействия на окружающий мир

Здесь я прежде всего хотел бы прокомментировать адекватность внесения некоторых видов в Красную книгу. Во многих случаях можно согласиться безоговорочно, но иной раз она вызывает по меньшей мере удивление. Я, например, не представляю, как вносились в Красную книгу бабочки, которых можно было поймать до тридцати штук одним удачным взмахом сачка. Но при этом некоторые другие, в список не внесенные, могут занимать меньший ареал и встречаться гораздо реже.

Чем это может быть обусловлено? Во-первых, цикличность: у некоторых животных массовое размножение бывает раз в несколько лет. Во-вторых, крайняя неравномерность распределения по ареалу. Так, только единичные экземпляры бабочки определенного вида могут летать вблизи моря, но уже через несколько километров вглубь материка, в ином микроклимате, они будут роиться сотнями. Или жук водится на территории в пару гектаров, и надо пройти еще десятки километров чтобы найти подобный участок. Ученым это, конечно, должно быть известно, но тем более

трудно понять, кто и как составлял Красную книгу. Так насколько редким является тот или иной вид? Самый верный ответ на это часто дает рынок. За некоторые «красно-книжные» виды ни один серьезный коллекционер вообще ничего не даст, но «обычные» оценит, и недешево. Хотя и рынок не дает абсолютного ответа: есть «модные» направления коллекционирования, и спрос и цены там выше.

Заповедники, конечно, нужны в любом случае. Но в этом ограниченном районе, даже если он и занимает большую площадь, могут совершенно отсутствовать определенные редкие виды, именно которых и следует оберегать в первую очередь. Да, существуют микрозаповедники типа отдельного склона, холма или речки, и ловец, часто лучше ученых осведомленный о положении дел, мог бы оказаться лучшим консультантом для организации новых. Но при этом оказывается что он, самый заинтересованный в сохранении уголка природы человек, крайне не заинтересован в его защите, поскольку и защищать будут прежде всего от него самого.

«Туземцы»

Туземец — уроженец и коренной житель какой-либо местности или страны (устар.)

Так иногда мы называли между собой местных жителей. Мы им не конкуренты, они охотятся на крупную дичь, поэтому наш промысел их обычно не волнует. Но только при определенных условиях. Никогда нельзя говорить о том, что все делается чисто в коммерческих целях. Поэтому придумываются легенды, что бабочки и жуки нужны для собственной коллекции, для обмена с другими, для научных целей, музеев и т.д. Несколько сложнее вразумительно объяснить, зачем нужны тысячи черепах, крабов или морских звезд, но кое-какие версии народными умельцами все же изобретались. Но как только кто-то говорит нечто типа: «Вы, аборигены, по золоту ходите, а мы на вашей живности миллионщиками станем», — его немедленно сдают и дело кончается штрафом и конфискацией улова. Сдавали всех — ловцов крабов, морских звезд, насекомых. Но если не допускать разговоров о целях, то отношение вполне лояльное. Хотя, конечно, многие понимают, что если взрослые люди, не страдающие явными психическими расстройствами, приезжают на одно и то же место не раз и не два, но всегда ловят одно и то же с редким упорством, даже остервенением, то делается это совсем не в целях коллекционирования, или совсем не в этих целях.

Бывают, конечно, исключения. Так, однажды мы признались хозяину, у которого жили, что цена хорошего жука сравнима с ценой сорокалитрового бидона меда (он держал пасеку), и это вызвало не типичную злобную зависть, а скорее, уважение, и впоследствии он нас от лова просьбами о помощи не отвлекал. Но в целом это нехарактерно. Обычно при безразличном отношении к «нечисти», но узнав о ее стоимости, у гражданского населения просыпается экологическое сознание и следует реакция «не пушать». Наш поверенный, правда, был своим человеком среди браконьеров, и мечтой его последних лет было повстречаться с уссурийским тигром и обеспечить себе безбедную старость.

Вредны туземцы и тем, что нередко они вызывают просто экологические катастрофы деревенского масштаба. При одной чистке дренажной канавы может гибнуть столько черепашек, сколько не ловится за сто лет. Или срубят честный лесоруб сухое дерево и погибнет в нем несколько поколений редких жуков. (Представьте свою реакцию, если вы с него рассчитывали снять полтысячи долларов.) Или в более крупных масштабах — один выброс топлива на Белом море привел к гибели миллионов морских звезд, что вообще несопоставимо с описываемым промыслом.

«Мораль»

Мораль — совокупность принципов и норм поведения людей по отношению друг к другу и обществу

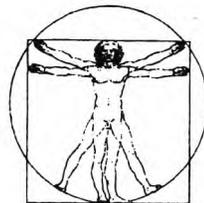
Конечно, можно возразить, что дуримары осознанно убивают невинных животных. Но вчера невинный теленок был зарезан чтобы вы сегодня могли купить себе отбивные. Да, вы не убивали его, но воспользовались результатом убийства. Сколько ни тверди заповедь «Не убий!», все мы, в сущности, убийцы. Если исходить из того, что все твари — Божьи и имеют право на жизнь, то вспомните, сколько раз вы травили тараканов, убивали мух и комаров просто чтобы их не было рядом с вами.

Хорошо, а если вообще отказаться от уничтожения любых животных? Стать вегетарианцем и не носить кожи? Можно, но тогда чтобы быть последовательным вам придется носить марлевую повязку чтобы ненароком не вдохнуть комара, или ходить всю жизнь вшивым, если эти благородные насекомые перепрыгнут на вас с божжа. В конце концов разговор о моральной стороне бесконечен. Можно привести сотню аргументов «за», но сто и один «против». Почему нравственно убить курицу, но не дикое животное? Хотя и его можно, но по лицензии. Вы скажете, что домашних разводят. Хороший аргумент — «я тебя породил, я те-

бя и убью». Но не разводят китов, рыбу многих видов. Нравственным, видимо, представляется то, что привычно. Очевидно, для защиты своей нравственности, скорее для защиты самого ощущения нравственности человечество придумало всевозможных посредников убийства. Как пишет К. Лоренц в книге «Агрессия (так называемое «зло»)», «...возросла и легкость убийства, а главное — утонченная техника убийства привела к тому, что последствия деяния уже не тревожат того, кто его совершил. Расстояние, на котором действует огнестрельное оружие, спасает убийцу от... ужасной отвратительности последствий. Эмоциональные глубины нашей души попросту не принимают к сведению, что сгибание указательного пальца при выстреле разворачивает внутренности... Ни один психически нормальный человек не пошел бы даже на охоту, если бы ему приходилось убивать дичь зубами и ногтями».

Есть цивилизованные способы умерщвления и бабочек (или, как иногда это уклончиво называется «обездвижения»). Можно сделать укол, опустить в баночку с эфиром, но все это ничуть не эффективнее простого сжатия грудки с определенной силой, после чего бабочка расстается с жизнью. Думаю, что все эти средства как раз и возникли из-за фарисейского гуманизма — убивать, простите, обездвиживать, не пачкая рук. Действительно, когда в пальцах хрустят грудки десятков и сотен бабочек за день, то «...сердце мое теснит какое-то неведомое чувство...я чувствую, что чувствовать должны они, вонзая в жертву нож: приятно и страшно вместе» (А.С. Пушкин «Скупой рыцарь»)

Дуримарство как особое направление охоты, как особое направление коллекционирования можно принимать или не принимать — это каждый должен решать для себя сам. Надеюсь, что хоть немного смог вам в этом помочь.

рефлексия
на себя и других
